

ОГО НЕКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

Александръ І.

Когда вышла книга Вогмэ, Левъ Николаевичъ, обыкновенно равнодушный къ отзывамъ о себѣ, на этотъ разъ читалъ книгу съ большимъ интересомъ.

— Вы знаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что меня особенно трогаетъ въ его отзывѣ? Это очень тонко подмѣченная причина моего склада мыслей. Онъ находитъ, что еслибы я не былъ русскимъ, я не пришелъ бы къ той вѣрѣ, какою я теперь живу. Какъ это глубоко вѣрно! Не изъ чувства національной гордости, котораго я, слава Богу, чуждъ и которое я считаю самой опасной заразой, — не изъ этого чувства, а просто, наблюдая жизнь и людей, могу смѣло сказать, что русской душѣ христіанство въ его чистомъ и ясномъ видѣ болѣе всего сродно. И то, что оно не здѣсь началось и не здѣсь выросло, — это вовсе ничего не доказываетъ. Ручьи, начинаясь на го-

рахъ, тоже не остаются тамъ, а сбѣгаютъ внизъ шумными потоками. И только въ глубокихъ и широкихъ долинахъ изъ этихъ потоковъ образуются рѣки, озера и моря. И вотъ, я думаю, что русская душа, какъ огромная впадина въ землѣ, впитала въ себя влагу христіанства, — и теперь передъ нами большое синѣющее море съ радостными отвѣтами неба.

Помню, именно, это ощущение я и испытывалъ, когда пересталъ быть нигилистомъ и меня потянуло къ вѣрѣ народной. Я шель, погружаясь, какъ человекъ входитъ въ море и чувствуетъ, что вотъ-вотъ онъ окунется и поплыветъ. И какъ хорошо стало на душѣ, когда я окунулся и ушелъ съ головой въ эту захватывающую великую стихію. Я увидѣлъ иной мѣръ передъ собою, огромный мѣръ людей, живущихъ не на словахъ только, а на дѣлѣ непосредственной чуткой близостью къ Богу, сознавая себя работниками его и послушно, съ радостью исполняя то, что отъ нихъ требуетъ Богъ. Не то, что я хочу, а то, что хочешь Ты. Въ этомъ все цѣн-

ное отличіе ихъ отъ другихъ народовъ. Оттого русская народная душа и чужда страсти обогащенія и захвата и льнетъ больше къ чувству отреченія и мира.

Въ этомъ отношеніи чистѣйшимъ воплощеніемъ русской души былъ Александръ І-й. Ахъ, какое сказаніе я о немъ знаю. Я непремѣнно обработаю когда-нибудь этотъ сюжетъ. Это дивная драма, изумительная по своей глубинѣ и по своей разищей, сильной, національной правдѣ.

Вотъ это сказаніе. Ужась, совершившійся въ Инженерномъ замкѣ, легъ тяжелымъ камнемъ на душу Александра, и онъ нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Ни блескъ престола, ни вышнія радости придворной жизни не привлекали къ себѣ души его, и онъ все чаще и чаще замыкался въ себѣ. Религіозныя наклонности его складывались въ определенное міросозерцаніе, рисовавшее Александру иную будущность и иное призваніе. Онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ царства и заявилъ объ этомъ Николаю и его женѣ. Онъ поселился потомъ

Шиллеровскія торжества въ Веймарѣ, 9-го мая (н. с.) — У памятника Шиллера-Тете, передъ возложеніемъ вѣнковъ депутатами.
Съ фотографіи корреспондента, авторія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

въ Таганрогѣ и жилъ совершенно частнымъ человекомъ.

Гуляя по загороднымъ мѣстамъ, Александръ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми, и каждый разъ его сердце наполнялось жгучей завистью къ жизни этихъ людей, такъ ясно понимающихъ смыслъ своей жизни и такъ вѣрно вѣрующихъ въ Тога, Кто имъ далъ эту жизнь.

— Когда же, когда?— бывало мучительно спрашивалъ себя Александръ, думая о томъ времени, когда и онъ такъ будетъ жить, какъ они.

Казалось, ничего не стоило взять, облачиться въ простую одежду и начать работать наравнѣ съ ними простую Божью работу.

Но Александръ чувствовалъ, что онъ еще не на томъ берегу, что надо переплыть еще большую, широкую рѣку и многое, многое пережить. И онъ ждалъ съ тревогой и молениемъ минуты, когда это будетъ.

Вотъ разъ гуляетъ онъ за городомъ и видитъ: народъ валомъ валитъ къ площади, занятой войсками. Войска выстроены въ двѣ шеренги длинной улицей и стоятъ безъ ружей, но съ короткими палками въ рукахъ.

Видитъ, вывели пожилого солдата, привязали ему вытянутыя впередъ руки къ прикладу ружья и, сорвавъ съ него рубашку, повели его съ оголенной спиной между шеренгами солдатъ.

Начиналось подъ звуки барабаннаго боя ужасное наказаніе, свирѣлое, дикое наказаніе, которое называлось „сквозь строй“.

Александръ смотрѣлъ въ лицо поблѣднѣвшаго предсмертной блѣдностью солдата и былъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ съ собой. Лицо солдата—точь въ точь его лицо.

Изъ разспросовъ онъ узналъ, что несчастный уже дослуживалъ 25-й годъ своей службы и, получивъ изъ деревни вѣсть, что отецъ умираетъ, онъ сталъ проситься въ отпускъ, чтобы попрощаться съ отцомъ. Но его не пустили. Тогда онъ бѣжалъ. Его воротили и предали суду. Но онъ снова бѣжалъ и снова былъ пойманъ. И вотъ теперь его за двукратный побѣгъ присудили прогнать сквозь строй и дать ему 8 тысячъ палокъ. Это вѣрная смерть.

Александръ слушалъ эти глухіе, липнущіе удары, вначалѣ еще смѣшанные со стонами несчастнаго. Потомъ стоны эти притихли, и вмѣсто спины виднѣлось уже одно красное, сплошное, сочившееся кровью и разметанное въ клочья мясо.

Ужасъ охватилъ душу Александра.—„Боже мой!—думалъ онъ. Отца хотѣлъ увидѣть, въ послѣдній разъ прильнуть къ его губамъ и слово родное услышать,—и за это его именемъ моимъ терзаютъ и мучаютъ такъ?! А я... а... Что я сдѣлалъ?“

И страшная сцена въ Инженерномъ замкѣ предстала во всей яркости предъ его глазами.

— Отецъ!— застоналъ онъ и тягучимъ, хриплымъ голосомъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Но плакали многіе изъ толпы, и его не замѣчали. Никто не зналъ, кто онъ такой.

Вдругъ слышитъ: барабанная дробь, все время трещавшая, стихла, и удары палокъ прекратились. Несчастный уже лежалъ на землѣ и всталъ въ забыты. Его положили на носилки и понесли въ госпиталь. Александръ послѣдовалъ за нимъ. Въ дежурной комнатѣ врача сидѣлъ сѣденькій, съ добрымъ лицомъ докторъ и спѣшно отдавалъ распоряженія помощнику, что нужно дѣлать принесенному солдату.

— Будетъ-ли онъ живъ, докторъ?— спросилъ Александръ, когда они остались одни, и тутъ же назвалъ себя.

Вѣднй докторъ испугался на смерть, вытянулся:

— Ваше... ваше величество...

Александръ ласково успокоилъ его и просилъ быть откровеннымъ.

Тогда докторъ сказалъ:

— Онъ умретъ сегодня же. Онъ получилъ 4000 ударовъ, и въ двухъ мѣстахъ произошелъ переломъ позвоночника. Смерть неизбежна.

— Въ такомъ случаѣ,—заволновался Александръ,—моя строгая просьба къ вамъ, и послѣдняя просьба, докторъ. Но прежде поклонитесь мнѣ, что тайна эта умретъ вмѣстѣ съ вами.

— Клянусь! клянусь моей любовью къ вамъ, великій государь!

— Вѣрю,—сказалъ Александръ и вынулъ позолоченный ключъ изъ кармана.

— Вотъ вамъ ключъ отъ моей комнаты и велите перенести туда солдата. Я сниму съ себя одежду мою, и надо будетъ одѣть его. А самъ я буду здѣсь на койкѣ, вмѣсто этого больного...

На завтра весь міръ узналъ о смерти императора, и заколоченный гробъ его, никому не показывая изреченное тѣло, перевезли въ Петербургъ.

А Александръ недѣли черезъ двѣ залѣчилъ свои „раны“ и былъ проведенъ сквозь строй, чтобы добить остальные удары.

Ему дали 4,000 палокъ, но онъ чудомъ остался живъ.

Солдаты, вѣроятно, щадили уже разъ наказаннаго.

Когда показали рубцы на кожѣ, его по законамъ тогвременнаго, какъ лишеннаго правъ, сослали въ Сибирь на поселеніе.

Въ далекую, затерянную среди овраговъ и долинъ сибирскую деревню привели высокаго стройнаго солдата, Михаила Силина, и отдали подъ надзоръ начальства...

Левъ Николаевичъ за минуту остановился. Умиленный поэтичностью волновавшаго его образа, онъ не могъ продолжать дальше рассказъ. Его давили спазмы въ горлѣ, а въ глазахъ стояли свѣтлыя, лучистыя слезы, слезы великаго сердцевѣда.

— И вотъ, рассказываютъ,—продолжалъ онъ съ дрожью въ голосѣ, когда прошли спазмы,—что долго прожилъ Михаилъ въ той деревнѣ, научился хозяйству, помогалъ крестьянамъ и училъ дѣтей ихъ грамотѣ.

Славился онъ также тѣмъ, что зналъ болѣзни и людей лѣчилъ. Часто его люди заставляли за молитвой, и въ это время къ нему подводили больныхъ.

Случилось, что пригнали въ ту деревню двухъ ссыльныхъ, и изъ нихъ одинъ былъ старый придворный служитель. Вскорѣ служитель этотъ заболѣлъ тяжкой болѣзью и былъ же при смерти.

Положили его люди на повозку и привели къ старцу Михаилу, когда тотъ молился.

Александръ порывисто посмотрѣлъ на больного и узналъ въ немъ своего стараго придворнаго слугу, работавшаго въ саду.

Узналъ его и служитель.

Отъ великой радости и неожиданнаго счастья поднялся больной на ноги и хотѣлъ припасть къ рукѣ Александра.

Но тотъ мягко отстранилъ его и велѣлъ всѣмъ выйти.

— Ты никому не расскажешь?— обратился онъ къ больному.

— Всѣмъ, всему міру расскажу, что мои глаза видѣли и что мои руки чувствовали...

И отъ сильнаго волненія онъ упалъ на землю и лишился чувствъ.

Подхватили его люди и унесли домой.

Когда онъ очнулся и повѣдалъ окружающимъ его все, что съ нимъ было,—народъ бросился къ Александру.

Но Александра уже не было.

Съ той поры, рассказываютъ, долго бродилъ по Сибири высокій, стройный старикъ и гдѣ-то около Уральскихъ горъ, у самой границы Европы, встрѣтилъ свой послѣдній часъ...

Какая это была величественная минута, должно быть!.. Какое высокое освобожденіе души!..

И. Тенероло.

Персидская выставка въ Петербургѣ.

Полтора года тому назадъ мы были искренно поражены „открытіемъ Японіи“. Мы посмотрѣли эволюцію превращенія полудикаго на европейскій взглядъ азіатскаго народа—въ культурнаго, могущественнаго врага.

У насъ есть другая сосѣдка,—сосѣдка, гораздо болѣе старинная, но о которой мы знаемъ столько же, сколько полтора года тому назадъ знали о Японіи.

Есть Персія, въ ней городъ Тегеранъ, гдѣ живетъ шахъ, у него большой гаремъ, персы народъ лѣнивый и апатичный,—этимъ въ общихъ чертахъ исчерпываются наши знанія о Персіи и интересъ къ ней. А напрасно!

Многія восточныя страны спятъ (пока), но это еще не значитъ, что онѣ умерли. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы возстаніе въ Персіи сектантовъ-бабидовъ въ 40-хъ годахъ, имѣвшее политическій характеръ столько же, сколько и религиозный, и разросшееся до страшныхъ размѣровъ. Стоитъ вспомнить гибель нашего Грибоѣдова въ Тегеранѣ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, чтобы понять, что полагаться на это кажущееся спокойствіе нельзя.

Затѣмъ съ паденіемъ Портъ-Артура и Дальняго—вопросъ о приобрѣтеніи нами станицъ въ одномъ изъ портовъ Персидскаго залива Джибути, Маскатъ или Бендеръ-Аббасъ имѣетъ для насъ громадное значеніе, не говоря уже о развитіи торговыхъ сношеній непосредственно съ самой Персіей. Товары наши цѣнятся тамъ очень высоко, ихъ предпочитаютъ англичанамъ, и англичане прибѣгаютъ къ обману, выдавая свои худшія издѣлія за русскія. Также и нашъ керосинъ, сахаръ, вывозимые въ Персію, несравненно лучшаго качества, чѣмъ англійскіе. Съ другой стороны, мы получаемъ изъ Персіи опіумъ, шерсть и другое сырье—и это все идетъ кругомъ, моремъ, черезъ посредничество Англій, причѣмъ, конечно, мы переплачиваемъ невѣроятные проценты.

Въ виду этого выставка, открытая въ настоящее время въ зданіи биржи,—какъ наглядный результатъ русской экспедиціи 1904 г., предпринятой подъ покровительствомъ Великаго Князя Александра Михайловича и подъ начальствомъ князя Аматауни, стоявшаго во главѣ экспедиціи,—представляетъ большой интересъ.

Экспедиція въ составѣ 6 человекъ въ февралѣ 1904 г. выѣхала изъ Баку и изрѣзала вдоль и поперекъ всю Персію. Около 3,000 в. пришлось сдѣлать на мулахъ; поспѣли Энзели, Рештъ, Казвинъ, Тегеранъ, Исфаганъ, Ширазъ, Козрунъ, Бендеръ-Буширъ, Вагдалъ, Ковейтъ, Линге, Карачи, Бомбей, Маскатъ, Аденъ, Джибути, Джедду, Ходейдъ, Риззъ, Ахвазъ и проч. 8 мѣсяцевъ были посвящены на изученіе этихъ пунктовъ и только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1904 г. экспедиція вернулась въ Россію.

Князь Аматауни составилъ статистическія таблицы о томъ, какіе русскіе товары могутъ быть вывозимы на изученные рынки. Вы-

ставка уже функционировала въ Одессѣ и Москвѣ; результаты уже сказываются; вниманіе и интересъ одесскаго и московскаго купечества сильно поднялись, и изъ Москвы уже сдѣланы заказы на сырье—шерсть на полтора милліона рублей. Нѣкоторые наши торговые дома вотъ уже года два завели болѣе прочныя торговыя сношенія съ Персіей. Такъ, прохоровакая трехгорная мануфактура открыла свои отдѣленія въ Испани, Коримани и Ширазѣ; торговый домъ бр. Зензиновыхъ открылъ свои отдѣленія въ портахъ Персидскаго залива.

Существуетъ предположеніе министерства финансовъ открыть въ недалекомъ будущемъ отдѣленіе банка въ Ширазѣ или Буширѣ—все это, конечно, будетъ способствовать и оживить наши торговыя и дружескія сношенія съ Персіей.

Выставка заключаетъ образцы ввозимыхъ и вывозимыхъ нами изъ Персіи товаровъ.

Особенно обращаютъ вниманіе ковры оригинальныхъ рисунковъ и чрезвычайно красивой окраски; краски растительныя и составляютъ секретъ туземцевъ. На выставкѣ есть и мытые экземпляры, нисколько не утратившіе свѣжести окраски. Много образцовъ шелковыхъ персидскихъ тканей—грубоватыхъ, но прочныхъ; мягкія, ароматныя (отъ ящикоу сандаловаго дерева, въ которыхъ хранились) кашемировыя шали, образцы сушеныхъ фруктовъ, очень крупныя фисташки, которыя обходились бы у насъ Петербургѣ, если бы шли прямымъ путемъ безъ посредниковъ—копѣекъ 15 за фунтъ. Персы, какъ и японцы, по рассказамъ князя, обладаютъ большой перемчивостью, среди нихъ встрѣчаются искусныя чеканщицы; уже по европейскимъ образцамъ имъ были заказаны кольца для салфетокъ, рюмочки для яицъ, подносыки и проч.—все это выполнено очень тонко.

Сахаръ нашъ, по сравненію съ англійскимъ, образцы котораго въ видѣ крупнаго мутнаго песку и маленькихъ хрупкихъ головъ находятся на выставкѣ,—виѣ всякой конкуренціи. Множество образцовъ англійскихъ ситцевъ и перкалей, которые они выдаютъ за русскіе.

Но, помимо чисто промышленной стороны, выставка представляетъ еще и художественный интересъ, такъ какъ попутно князь Амагуни собиралъ древнія монеты ассирійскія, персидскія, греческія, камен, старинный фарфоръ, оружіе, украшенія женщины, лубочныя народныя картины. Много фотографій и открытыхъ писемъ съ очень оригинальными туземными зданіями и памятниками. Странаю читать на одной изъ фотографій: „пароходство по Тигру“.

Тигръ! Легендарная рѣка, омывавшая когда-то первобытный рай,—и вдругъ пароходство. Но чего ни бываетъ на свѣтѣ!

Остается пожелать выставкѣ и ея устроителямъ такихъ же счастливыхъ практическихъ результатовъ, какихъ она достигла въ Москвѣ и Одессѣ.

О. Базанжуръ.

Всемирная выставка въ Льежѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента „Иллюстрированныхъ Вирожескыхъ Вѣдомостей“).

II.

На устройство русскаго отдѣла правительствомъ было отпущено 50,000 рублей. Сумма болѣе чѣмъ скромная для того, чтобъ ярко блистать среди остальныхъ европейскія секцій, которымъ выставка обошлась въ милліоны. Но все же мы не ударили въ грязь лп-

цомъ, и комиссаріатъ, во главѣ съ М. А. Вильбасовымъ, сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобъ представить нашъ отдѣлъ возможно интереснѣй.

По совѣсти говоря, мѣсто намъ „предложили“ отвратительное. Гдѣ-то на задворкахъ. Это „Камчатка“ главнаго павильона, куда сослали насъ вмѣстѣ съ австрійцами, швейцарцами и голландцами. Но... не красна изба углами...

Переносить въ Манчжурію уголокъ, даже не уголокъ, а цѣлый городокъ Краснаго Креста. Иностранцы толпятся здѣсь непрерывно. Они заходятъ въ палатку, гдѣ восковая сестра дѣлаетъ перевязку раненому, осматриваютъ несомыя двумя санитарями носилки, гдѣ лежить казакъ съ жестоко раздробленной ногой. Особенно смущаютъ европейцевъ косматыя папахи...

Эффектно и красиво представлены нѣкоторыя петербургскія фирмы. Этой стороной завѣдывалъ комиссаръ К. П. Ландратъ. Витрины съ чаемъ Дементьева и Васильева, мануфактура—Позднякова, галуны—С. Е. Ефимова; багеты—Васильева и т. д. Много беккеровскихъ ролей. Много кустарныхъ издѣлій въ русскомъ стилѣ. Много утвари и цѣлыя батареи гордо сверкающихъ самоваровъ, которые вызываютъ у иностранцевъ смѣшанное съ любознательностью недоумѣніе.

— А гдѣ же нагайка?—спрашиваютъ нѣкоторые. Слово самоваръ и нагайка должны, почему-то, жить въ трогательномъ единеніи.

Гордость нашего отдѣла—это витрины съ фотографіями ателье Е. Л. Мрозовой. По техникѣ и художественности исполненія, работы Мрозовой не уступаютъ заграничнымъ фотографамъ. Они—по сосѣдству, тутъ же, и сравнить весьма нетрудно.

Въ организаціи нашего художественнаго отдѣла принимали энергичное участіе секретарь русскаго клуба въ Парижѣ Д. П. Никифоровъ и докторъ медицины Г. М. Сегель. Казалось бы, что общаго—медицина и живопись? Но докторъ Сегель—собратель и любитель произведеній искусства. Въ его парижской квартирѣ вы встрѣтите этюды и рисунки Харламова, Лемана, Видонфа и многихъ другихъ выдающихся мастеровъ.

Вообще, Г. М. Сегель человекъ интересный. Это благодарный натурщикъ для романиста. Двѣнадцать лѣтъ онъ живетъ въ Парижѣ, имѣетъ чудесную практику, но все помысли его—въ Россіи.

... Въ центральныхъ губерніяхъ появилась холера. Отзвуки ея глухо коснулись Парижа. Этого было довольно... Сегелю не сидѣлось спокойно въ его комфортабельной квартирѣ на бульварѣ Мальзербъ. Онъ бросилъ все и поначался на холеру, навстрѣчу лишеніямъ. Поначался работать, помогать ближнему при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. А взглянуть на Сегеля—и не повѣришь съ перваго впечатлѣнія.

— Полно, такъ-ли это? Дѣйствительно-ли этотъ выхолеренный мужчина въ лоснящемся цилиндрѣ и ослѣпительно бѣломъ жилетѣ ворочалъ и пользовалъ холерныхъ мужиковъ?..

Но сомнѣній никакихъ. На лицо—факты. Въ самомъ дѣлѣ, почему же? Неужели нужно быть грязнымъ неграхой, чтобъ имѣть право на альтруистическій подвигъ? Нисколько. Яркій примѣръ—это декабристы и жены ихъ въ Сибири.

Сегель—далеко не первый разъ принимаетъ участіе въ выставкахъ. Онъ работалъ и на парижской (последней) всемирной выставкѣ, и у насъ въ Петербургѣ на „Дѣтскомъ Мирѣ“ и завѣдывалъ неоднократно гигиеническими отдѣлами. На французскомъ языкѣ онъ напечаталъ цѣлый рядъ сочиненій по своей специальности. Нѣтъ, положительно,

П. Д. Боборыкинъ дорого далъ бы за такого натурщика. Уроженецъ Керчи, Сегель окончилъ два университета, кіевскій и дерптскій, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дополнял свое образованіе за границей.

* *

Зданіе дворца изящныхъ искусствъ прямо роскошно, и будетъ жаль, если, когда выставка кончится, его не приспособятъ къ чему-нибудь постоянному. Обліе верхняго свѣта, нѣжнаго, смягченнаго матовыми стеклами. Высокіе большіе залы съ ковромъ во весь полъ. Декоративная сторона—и желать трудно лучшаго.

Живопись и скульптура—по отдѣламъ. Влестящѣе всѣхъ представлены бельгійцы и французы. Нашъ русскій отдѣлъ—крохотный. Два маленькихъ зала. Да и тѣхъ могло не быть. Вѣдь, академія отказалась принять оффиціальное участіе. Волей-неволей надо было „своими средствами“, наскоро „создать“ русскій отдѣлъ. Отсутствіе оу совсѣмъ—было бы ужъ очень стыдно.

Выставили: А. А. Харламовъ, Н. И. Аронсонъ, Н. И. Кравченко, Беренштамъ, Шмаровъ и Синаевъ-Беренштейнъ. У Харламова, какъ всегда, чудесныя дѣтскія головки. Удительно гармонируетъ рядомъ съ нимъ—Аронсонъ. Оба художника, и молодой и старикъ, словно дополняютъ другъ друга. Изычныя мраморныя головки и бюсты Аронсона кажутся высѣченными подъ впечатлѣніемъ головокъ Харламова. Этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, но такое сопоставленіе приходитъ невольно.

Беренштамъ и Синаевъ-Беренштейнъ давно заявили себя опытными, умѣющими работать мастерами. Шмаровъ... Шмаровъ является недоразумѣніемъ. Нужно же было взять эту холстину въ Льежъ, которая съ такимъ безноворотнымъ шумомъ провалилась въ Петербургъ? А, вѣдь, она занимаетъ—его картина „Ждутъ“—цѣлую стѣну и безъ того маленькаго русскаго отдѣла.

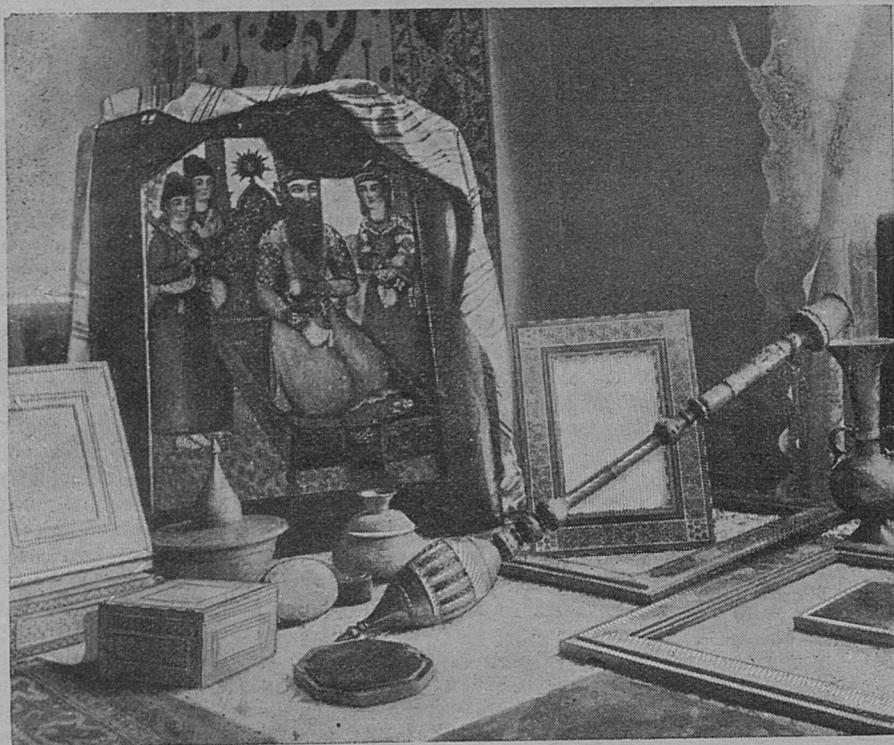
Имѣютъ этнографическій и злободневный интересъ для иностранцевъ картины, этюды и рисунки Кравченко—почти все цѣлкомъ батальные мотивы китайской и японской войны. Работами Кравченко—числомъ около сотни—увѣшаны все четыре стѣны большого зала сверху до низу. На громадномъ холстѣ нарисованъ углемъ бѣгущій въ атаку взводъ пѣхотныхъ солдатъ. Фигуры перваго плана—въ натуру. Схвачена экспрессія лицъ, частью озвѣрѣвшихъ, частью безмысленныхъ, съ раскрытыми ртами и выпученными глазами.

На нѣсколькихъ этюдахъ и картинахъ изображенъ Пекинъ. Его массивныя стѣны, его центръ, его предметья съ ихъ п. трой восточной жизнью. Выставочные гости интересуются больше всего портретомъ Стесселя и эскизомъ „Гибель Петропавловска“, съ котораго Кравченко намѣренъ написать большую картину. Въ цѣлой серіи небольшихъ акварелей мелькаютъ ловко нарисованные типы забайкальскихъ казаковъ, китайченковъ, японскихъ солдатъ и китайскихъ палачей во всеоружіи ихъ ужасныхъ инструментовъ.

Хорошая мысль явилась Кравченко—привести свои вещи въ Льежъ. Здѣсь это въ особенности оригинально и ново. Въ успѣхъ—онъ уже есть—нельзя было сомнѣваться.

* *

Германскій отдѣлъ хотя богатъ количествомъ, но, видимо, и его „сочиняли“ на скорую руку. Сиротливо виситъ одинокой Ленбаховскій Бисмаркъ. Нѣтъ ни Кнауса, ни Дефрегера, ни Грютнера. Слава Богу, что попалъ какиъ-то чудомъ превосходный—

„фатали-Шахъ, его супруга и плѣнные грузинскіе принцы“.—Рѣдкая старинная картина на стеклѣ.
(Экспонаты области Ширазъ).

Почетная сабля генералу Стесселю отъ французскихъ гражданъ.
(На приобретение сабли была открыта въ Парижѣ подписка газетой „Echo de Paris“).

развѣ есть у него работы не превосходныя—Лейбл. Голова баварскаго мужика. Какая живопись, сколько внутренней психологической жизни и какое освѣщеніе!

Но эти два шедевра тонуть въ морѣ всякой банальщины. Гдѣ братья Ахенбахи, гдѣ Дюккеръ?

Французы—гдѣ показали себя. И въ скульптурѣ, и въ живописи. Въ скульптурѣ—много большихъ декоративныхъ работъ и фонтановъ—со вкусомъ скомпонованныхъ и грамотно, очень грамотно вылѣпленныхъ. Есть Родель.

Изъ картинъ всего двorca искусствъ мнѣ нравится больше всѣхъ „Искушеніе святаго Геронима“—Эмэ Моро. Трактовать такой простой сюжетъ и не впасть въ шаблонъ, въ пошлость—надо быть крупнымъ художникомъ... Въ полутемной пещерѣ на камняхъ, прикрытыхъ грубой рогожей, сидитъ съдой отшельникъ въ коричневыхъ лохмотьяхъ бѣлой хламиды.

А рядомъ—чуть касаясь твердыхъ камней своимъ обнаженнымъ тѣломъ—красавица. Обыкновенно, у многихъ живописцевъ женщины цинично и грубо соблазняютъ святыхъ

старцевъ. И картины не производятъ впечатлѣнія, вѣрнѣе—отталкивающее. У Эмэ Моро—ничего подобнаго. Красавица—ракурсъ головы изумительный—улыбается съ тонкимъ претонкимъ—въ самый разъ великосвѣтскому салону—кокетствомъ. Концами пальцевъ, розоватыхъ, нѣжныхъ, она коснулась мозолистыхъ коричневатыхъ пальцевъ Геронима. Другая рука ея наполовину тонетъ въ густой серебрястой бородѣ.

Красавица выжидаетъ... Ея улыбка, лицо, тѣло, говорятъ:

— Посмотримъ...

Цѣлая вѣмая скорбная драма въ чертахъ и позѣ отшельника. Взглядъ его устремленъ

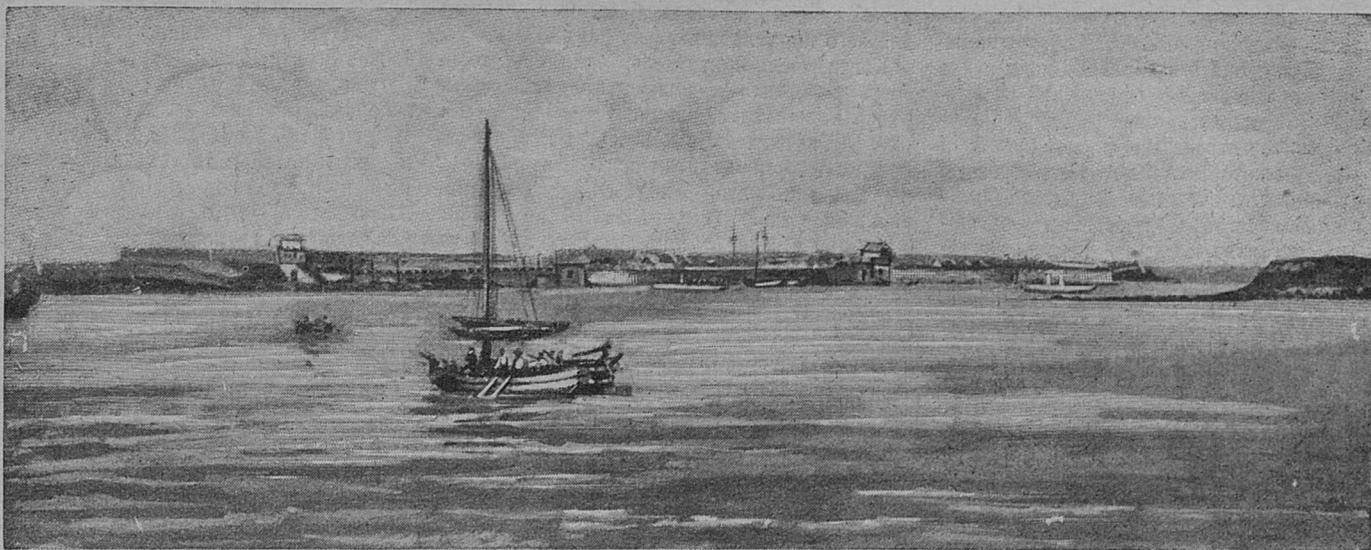
Танцующая персія на стеклѣ и рѣзные работы (на деревѣ).
(Экспонаты области Фарисанъ).

Образцы украшений жилищъ персовъ.
Разрисованное полотно съ эпизодами изъ поэмы „Русемъ и Зорабъ“.

Персидская выставка въ зданіи С.-Петербургской биржи.

Со снимковъ нашего фотографа, авторитетна „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Портъ Макунь, на Лескадорскихъ островахъ, служащій операціонной базой эскадры адмирала Того.

Съ фотографіи корреспондента, авторія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

на распятіе... И вѣра, и упованіе, и страстная мольба—все въ этомъ умномъ, глубокомъ взглядѣ...

— Господи, дай силу, отгони...

Моментъ страшный, рѣшительный... Все поставлено на одну карту. Все...

Десять лѣтъ аскетической жизни, лишений, изнурительныхъ постовъ и молитвъ... Все...

Хороша картина по живописи и композиціи. Ничего лишняго. Все такъ стройно, такъ на мѣстѣ. Женское тѣло, прекрасно рисованное, розоватое въ груди и колѣняхъ—являетъ интересный колористическій контрастъ съ пергаментными, аскетическими руками и лицомъ Иеронима.

Публики у этой картины—не протолкаться! Англичане,—тѣ держать пари, соблазнить

старца женщина или нѣтъ? Собирались даже посылать Моро телеграмму:—„Автору лучше знать“.

Дѣло, конечно, не въ глупыхъ пари и глупыхъ денешахъ. А важно, что въ картинѣ есть что-то недоговоренное, заставляющее работать фантазію и воображеніе...

Можно выдѣлить еще портреты Каролуса Дюранъ и Бенна. Эскизно и сильно сдѣлана у Жанъ-Поль-Лорранса голова Мупэ-Сюлли, загримированнаго Гамлетомъ. Пейзажи Лермитта, жанровая композиція Симона.

Выдержано тягостное, подавляющее настроеніе въ небольшой картинкѣ—забыли имя автора—„Похороны анархиста“. Этотъ взводъ полицейскихъ, держашійся въ сторонкѣ, но съ „выжидательнымъ“ видомъ, эти бредущія за гробомъ понурья и мрачныя

фигуры,—этотъ зимній, свинцовый пейзажъ—все полно какой-то мучительной тоски, отъ которой готова разорваться грудь...

Н. Брешко-Брешковскій.

Печать и печатное дѣло.

(Изъ воспоминаній старшаго инспектора типографій).

„Недозволенные“ и запрещенныя книги.—Цензурное вѣдомство и департаментъ полиціи.—Запретительный каталогъ въ видѣ рекламы за грешенію.—„Металла звонъ“.—Повѣсть о генералѣ Грессерѣ.—„Въ двадцать четыре часа“

Въ 1882 году отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовало распоряженіе—не допускать

Чествованіе памяти Сервантеса въ Мадридѣ по случаю 300-лѣтія со дня изданія „Донъ-Кихота“.

Выходъ изъ зданія испанской академіи наукъ короля Альфонса и королевы-матери.

Съ фотографіи корреспондента, авторія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

къ обращенію въ публичныхъ бібліотекахъ и общественныхъ читальняхъ и некоторыхъ періодическихъ изданій и книгъ. Списокъ этихъ изданій былъ полностью отпечатанъ на первой страницѣ газеты „Новое Время“, въ рубрику правительственныхъ распоряженій и циркуляровъ, которыми были такъ чреваты печальной пѣматі восьмидесятыя годы.

Старшій инспекторъ, передавая участковымъ инспекторамъ каталогъ книгъ, запрещенныхъ для чтенія въ бібліотекахъ, поручилъ имъ объявить владѣльцамъ таковыхъ чтобы они, при требованіи незаконныхъ книгъ, отнюдь не объясняли бы подписчикамъ, что эти книги запрещены для выдачи правительствомъ, а говорили бы, что просимыхъ книгъ не имѣется въ бібліотекѣ. Послѣ оглашенія списка въ газетѣ, такое распоряженіе показалось намъ болѣе, чѣмъ страннымъ. Кто былъ инициаторомъ сказаннаго распоряженія, старшій-ли инспекторъ или высшая власть, осталось для насъ тайной.

Просматривая бѣгло каталогъ, еще въ кабинетѣ старшаго инспектора, мы были поражены подборомъ помѣщенныхъ въ немъ сочиненій. Въ число запрещенныхъ книгъ попали и такія, которыя служили необходимыми руководствами для студентовъ университета, какъ напримѣръ: „О богатствѣ народовъ“ Адама Смита и „Геологическіе очерки“ Агассиса. Изъ беллетристовъ, сочиненія: Левитова, Слѣпцова, Рѣшетникова, Важина и Михайлова-Шеллера. Сочиненія Левитова и Слѣпцова слѣдовало бы рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ училищъ, такъ какъ критика давно причислила ихъ къ разряду классиковъ, а сочиненія послѣднихъ грѣхъ авторовъ устарѣли и потеряли интересъ минуты. Сочиненія Михайлова-Шеллера, въ концѣ девятисятыхъ годовъ, были допущены для чтенія въ бібліотекахъ, а сочиненія перечисленныхъ выше авторовъ и до сихъ поръ покоятся подъ спудомъ.

Хотя этотъ каталогъ и шелъ изъ главнаго управленія по дѣламъ печати, но мы сомнѣвались, чтобы составитель его могъ принадлежать къ членамъ цензурнаго вѣдомства. Для провѣрки нашего предположенія я отправился за разъясненіемъ въ управленіе. Чиновники управленія дѣйствительно подтвердили наши доводы. Каталогъ исходилъ не изъ цензурнаго вѣдомства, а изъ департамента полиціи. Такимъ образомъ, главное управленіе по дѣламъ печати не было инициаторомъ этого курьезнаго списка, а лишь слѣпымъ исполнителемъ предписаній высшаго начальства.

Когда я указалъ на сочиненія Смита и Агассиса, чиновники пожалы плечами и развели руками. Каталогъ и на нихъ произвелъ удручающее впечатлѣніе.

Я рекомендовалъ войти съ докладомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, по поводу этого каталога. Какой былъ сдѣланъ докладъ, мнѣ неизвѣстно, но вскорѣ инспекторъ получилъ предложеніе—объявить бібліотекамъ, что Смитъ и Агассисъ вновь допускаются для чтенія.

Курьезнѣе всего еще то, что въ числѣ книгъ значились такія, которыя совсѣмъ не выходили въ свѣтъ и были въ свое время запрещены и уничтожены.

При объявленіи владѣльцамъ бібліотекъ этого запрещенія, нѣкоторые изъ нихъ, проматривая каталогъ, сказали, что большинство помѣщенныхъ изданій совсѣмъ не спрашиваются подписчиками и стоятъ подъ слоемъ густой пыли.

Зайдя какъ-то къ одному изъ букинистовъ Апраксина рынка, я былъ свидѣтелемъ такого случая: вошелъ неизвѣстный господинъ среднихъ лѣтъ и, передавъ торговцу номеръ „Новаго Времени“, гдѣ былъ помѣщенъ пресло-

вутый списокъ, просилъ букиниста собрать для него поименованныя въ немъ книги.

Когда ушелъ покупатель, букинистъ сообщилъ мнѣ, что подобныя предложенія не рѣдки въ послѣднее время.

— Да вотъ, хоть бы взять, къ примѣру, книга „Исторія политическихъ литературъ“ Ю. Г. Жуковскаго, — иллюстрировалъ букинистъ свое сообщеніе, — совсѣмъ не шла и была продана на рынокъ по вѣсу, а теперь пошла въ ходъ и, пожалуй, скоро „подберется“ (техническое выраженіе книжныхъ торговцевъ).

Такимъ образомъ, „каталогъ“ послужилъ превосходной рекламой для распространенія сочиненій, которые, по мнѣнію составителя, могли подорвать государственныя основы.

Вообще, въ описываемую эпоху, кромѣ цензурнаго комитета, было еще много другихъ постороннихъ вѣдомствъ и добровольцевъ, которые всѣми силами старались надѣть на литературу узду.

Въ виду пересмотра комиссіею цензуры наго устава, желательнѣе бы было, чтобы изданія, дозволенныя цензурою или допущенныя судомъ къ выпуску въ свѣтъ, не могли бы уже болѣе запрещаться административною властью, какъ для обращенія въ публикѣ, такъ равно и для чтенія въ публичныхъ бібліотекахъ и общественныхъ читальняхъ.

* * *

Въ главѣ 3-ей я писалъ, что при генералѣ Грессерѣ особенно подвергались преслѣдованію заведенія печати. Слова „типографія“ и „печатать“ являлись для него такимъ же пугаломъ, какъ для замоскворѣцкихъ купчихъ „жуфель“ и „металла звонъ“. Онъ былъ того мнѣнія, что появляющіяся въ то время (очень рѣдко) прокламаціи исполнялись въ легальныхъ типографіяхъ. Большого труда стоило его убѣдить, что владѣльцы заведеній печати того времени чужды были какихъ-либо политическихъ идеаловъ. Они почти всѣ вышли изъ наборщиковъ, за исключеніемъ издателей газетъ, имѣющихъ типографіи для печатанія своихъ изданій, тяжельмъ трудомъ приобрѣли собственныя заведенія, въ виду чего не только никогда не принимали ни прямого, ни косвеннаго участія въ печатаніи подпольныхъ листовъ, но даже доводили до свѣдѣнія администраціи, когда, въ отсутствіи ихъ, какой-либо наборный ученикъ, шалости ради, отискивалъ потихоньку отъ хозяина порнографическое четверостишіе.

Наконецъ, если бы они и рѣшились совершить названный проступокъ, то ихъ же рабочіе не преминули бы донести объ этомъ административной власти или же стали бы эксплуатировать хозяевъ, требуя отъ нихъ денегъ.

Я помню такой случай: управляющій литографіей, когда его хозяинъ уѣхалъ въ праздникъ къ себѣ на дачу, вздумалъ отпечатать „Горе отъ ума“ въ скабрзномъ переложеніи. Было отпечатано, кажется, сто экземпляровъ съ порнографическими рисунками. Литографскій печатникъ, получивъ сверхъ жалованья пять рублей, пришелъ на другой же день пьяный и потребовалъ еще пять рублей, грозя донести мѣстному инспектору. Управляющій, не удовлетворивъ его требованія, выгналъ изъ заведенія. Печатникъ тотчасъ же отправился къ инспектору и донесъ о совершенномъ преступленіи. Результатомъ было судебное преслѣдованіе. Окружный судъ приговорилъ владѣльца литографіи и управляющаго къ тюремному заключенію, постановивъ уничтожить арестованные экземпляры.

На одномъ докладѣ я высказалъ генералу вышеприведенные доводы, и онъ хотя и согласился отчасти съ ними, но не преминулъ возразить, что владѣльцы заведеній печати, пожалуй, и не станутъ сами принимать участія въ печатаніи подпольныхъ листовъ, но

нельзя поручиться, что въ числѣ рабочихъ не найдутся такія лица, которыя тайно отъ хозяевъ совершатъ преступленіе.

И вотъ, опираясь на свое предположеніе, генералъ Грессеръ все время твердилъ, что типографовъ необходимо держать въ страхѣ, почему и подвергалъ ихъ за всякій маловажный проступокъ жестокому взысканію. Стоило типографу выпустить изъ своего заведенія какое-либо отпечатанное объявленіе, безъ предварительнаго разрѣшенія полицейской власти, хотя бы это объявленіе уже было нѣсколько разъ помѣщено въ другихъ газетахъ, генералъ Грессеръ немедленно же подвергалъ его штрафу не менѣе, какъ въ сто рублей.

Не только чиновникъ градоначальника, на обязанности котораго лежало цензуровать объявленія, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не появлялись таковыя безъ дозволенія, но въ описываемое время было много добровольцевъ, которые своими услугами помогали администраціи выискивать проступки, совершаемые помощью печатнаго станка.

Очень часто случались и курьезы, которые, однако, тревожили мирное теченіе дѣлъ инспекціи, отвлекая ненужными и пустыми разслѣдованіями.

Раздастъ, напримѣръ, газетчикъ (частнымъ лицамъ или посыльнымъ не разрѣшалось раздавать печатные листки) объявленіе отъ какого-либо торговаго дома. Добровольецъ, получивъ листокъ и не найдя на немъ обычной формулы „печатать разрѣшается“ и фирмы типографіи, немедля же посылаетъ этотъ листокъ градоначальнику, указывая на отсутствіе разрѣшенія и фирмы заведенія.

Инспекція, произведя, по распоряженію Грессера, разслѣдованіе, находила, что присланный листокъ былъ отпечатанъ съ разрѣшенія надлежащей власти и требуемая формула была выставлена, но, по небрежности рабочаго, эта формула была отрѣзана (иногда разрѣшительная надпись печаталась не сразу подъ текстомъ, а внизу листка, ближе къ краю).

Одинъ изъ типографчиковъ, находящійся въ моемъ районѣ, отпечаталъ безъ дозволенія цензуры циркуляръ, заказанный частнымъ банкомъ, предполагая, что этотъ циркуляръ, на основаніи 167 ст. цензурнаго устава, не подлежитъ предварительному разрѣшенію цензуры. Названный циркуляръ не имѣлъ ничего законопротивнаго и былъ впоследствии разрѣшенъ.

Получивъ упомянутый циркуляръ, ген. Грессеръ вызвалъ меня къ себѣ для объясненій. Пригласивъ въ кабинетъ, генералъ принялъ меня такими словами:

— Вотъ вы всегда докладываете, что въ типографіяхъ все благополучно, а между тѣмъ, полюбуйтесь, какія тамъ творятся беззаконія?

Диалогъ этотъ былъ высказанъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и радостью, точно генералъ Грессеръ открылъ новую Америку, а не ничтожный циркуляръ, отпечатанный безъ разрѣшенія.

— Я узналъ, — продолжалъ генералъ, — какая типографія провинилась и вызвалъ владѣльца къ себѣ въ понедѣльникъ (дѣло происходило въ четвергъ). Будте и вы въ тотъ же день у меня. Я потому вызываю чрезъ нѣсколько дней, чтобы онъ хорошенько помучился въ этотъ періодъ времени, терзаясь догадками, въ чемъ заключается его вина?

У генерала Грессера была выработана система мучить людей, назначая продолжительный срокъ для явки. И жертвы дѣйствительно изнывали, если не догадывались навести справку у мѣстнаго инспектора.

— Что это большая типографія? — спросилъ генералъ, назвавъ мнѣ фамилію владѣльца.

— Очень маленькая и бѣдная,—отвѣтилъ я.—Одинъ станокъ и скоропечатная машина, взятые владѣльцемъ въ кредитъ.

— Ну, такъ я општафую его на сто рублей, а если не внесетъ денегъ, то подвергну аресту на двадцать дней,—закончилъ ген. Грессеръ.

Въ назначенный день я былъ въ приемной градоначальника, гдѣ уже ждалъ приема злополучный типографщикъ.

Приемную ген. Грессера можно было приравнять къ восьмому кругу Дантова ада. Кромѣ провинившихся полицейскихъ, тутъ же ожидали своей участи и домовладѣльцы, и хозяйки меблированныхъ комнатъ, не успѣвшія въ теченіе сутокъ заявить въ участокъ о прибытіи новыхъ жильцовъ, и антрепренеры загородныхъ театровъ и торговцы съ Сѣннаго рынка, и проч., и проч. Всѣ эти лица были блѣды, нервно возбуждены, ждали грозы и каждый разъ, когда дверь, ведущая въ кабинетъ генерала, открывалась, быстро вскакивали со своихъ мѣстъ и съ ужасомъ и трепетомъ на нее взирали. Разговоры не велись, и если кто позволялъ себѣ нарушать могильную тишину приемной, то только лишь одни чиновники особыхъ порученій. Они довольно развязно расхаживали по комнатѣ и вели въ полголоса разговоръ между собою.

Но вотъ, отворилась дверь, и въ приемную вошелъ ген. Грессеръ. Всѣ встали и отвѣсили поклонъ. Онъ едва кивнулъ, медленно обвелъ злымъ и нахмуреннымъ взглядомъ комнату и сталъ тихо подходить къ намѣченной жертвѣ.

— Вы что?—сурово спросилъ генералъ.

— Ва... ва... ваше-ство,—заякаясь и блѣднѣя, лепетала жертва.

— Въ чемъ ваша вина?—возвысилъ голосъ ген. Грессеръ.

— Не... не прописала во-время жильца... еврея.

— Не прописала еврея?... На первый разъ штрафую на триста рублей. Еще разъ повторится,—закрою комнату и вышло изъ Петербурга въ двадцать четыре часа.

— Вы что?—обратился генералъ къ другой жертвѣ.

— Типографъ Z.

Генералъ, не спрашивая далѣе, обратился къ присутствующему инспектору.

— Отпечатайте циркуляръ отъ коммерческаго банка,—доложилъ инспекторъ.

— А-а-а! штрафую на первый разъ въ сто рублей, а если повторится, закрою типографію и вышло въ двадцать четыре часа изъ Петербурга.

И такъ далѣе, въ томъ же духѣ.

Впоследствии ген. Грессеръ уже говорилъ кратко:

„Въ двадцать четыре часа!“

Жертвы знали значеніе и смыслъ этого лаконическаго возгласа.

И. Карамышевъ.

Тайный музей.

Какъ мы уже сообщали въ послѣднемъ номерѣ „Знанія Искусства“, въ скоромъ времени въ Петербургѣ предстоить открытіе почтово-телеграфнаго музея.

Надъ устройствомъ музея въ послѣдніи 10 лѣтъ много трудился Н. Е. Славинскій. Благодаря его энергіи, собраны и приведены въ надлежащій порядокъ хранившіяся тамъ вещи и приобрѣтаются новыя. Благодаря его же любезному содѣйствію, мы имѣли возможность подробно осмотрѣть всѣ отдѣлы музея: почтовый, телеграфный, телефонный и электрическаго освѣщенія.

Не останавливаясь надъ тѣмъ, что относится къ специальной наукѣ, отмѣтимъ то, что

представляетъ несомнѣнно большой общій интересъ.

Въ почтовомъ отдѣлѣ васъ встрѣчаетъ карандашный портретъ боярина Ордынъ-Нащокина (1666 г.), перваго организатора почты въ Россіи, которая первоначально предназначалась только для пересылки государственныхъ бумагъ и частной переписки торговыхъ людей.

Рядомъ—портретъ русскаго почтмейстера А. Винюса, многочисленныя карты хода почты со временъ Петра Великаго и подорожная 1812 г., подписанная графомъ Кутузовымъ. По столамъ разложены цѣлый рядъ альбомовъ. Въ одномъ изъ нихъ около 20.000 почтовыхъ марокъ разныхъ странъ. Коллекція эта стоитъ 15 т. рублей. Въ другомъ—серія штемпельныхъ конвертовъ. Одинъ изъ нихъ, московскій 1846 года, въ 5 копѣекъ, цѣнится свыше тысячи рублей.

Въ альбомахъ „древнихъ статистическихъ почтовыхъ картъ“ мы прочли такую надпись: „карта съ показаніемъ большихъ почтовыхъ дорогъ купеческихъ и для прохода войскъ способныхъ. Сочинена (?) 1817 г.“

Тутъ же всевозможные ящики для писемъ и мѣшки. Интересенъ большой кожаный баулъ 1872 г., со вложенной внутри сѣткой изъ желѣзныхъ колецъ. Онъ предназначался для отправки писемъ въ дальнѣйшія мѣстности Сибири. Когда въ немъ привезли петербургскую корреспонденцію во Владивостокъ, то оказалось, что сѣтка перетерла всѣ письма въ труху.

Очень интересными по декоративно-художественному исполненію являются заключенныя въ стеклянные ящики большія модели разнообразной перевозкой почты въ Россіи, работы О. М. Кротковой. Снимки съ этихъ моделей помѣщены въ послѣднемъ номерѣ „Знанія Искусства“. Модель сибирской почты представляетъ нарты, запряженныя тремя парами собакъ, седьмая—вожакъ—бѣжить впереди безъ упряжки. Второй способъ перевозки—на оленяхъ, цугомъ. Кладъ въ 16 пудовъ олени везутъ со скоростью 250 в. въ сутки. На выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ, гдѣ экспонаты музея получили Grand Prix, нѣмцы заказали намъ для берлинскаго музея изготовить такія же модели. Далѣе перевозка въ 4 пары на буйволахъ въ Ставропольской губерніи, гдѣ во время распутицы такая почта дѣлаетъ двѣ-три версты въ часъ. Затѣмъ—пѣшая почта, въ горахъ Кавказа, во время свѣжныхъ заносовъ. Впереди идутъ съ киркой, прочищая дороту, за ними на саняхъ несутъ корреспонденцію.

Другая разновидность почты на Кавказѣ—на верблюдахъ, третью—верхами на коняхъ. Прекрасно выдѣленная группа лезгинъ поднимается среди крутыхъ обваловъ и разбойничьихъ засадъ. Наконецъ, модель „бабьей почты“.

На Мурманѣ, въ Архангельской губерніи, когда мужики уходятъ на рыбную ловлю, почту развозятъ въ лодкахъ женщины. На лодкѣ сидятъ за веслами 4 женщины, посреди лодки большой ящикъ съ надписью „почта“, сзади почтовый чиновникъ. Декоративная обстановка этой модели очень красива. Чтобы покончить съ почтой, укажемъ еще на большую машину, выписанную изъ-за границы, для штемпелеванія конвертовъ. Оказалось, что у насъ примѣнить ее нельзя до тѣхъ поръ, пока не введется обычай наклеивать марки на правомъ верхнемъ углу конверта. Пока этого нѣтъ,—удобное и быстрое машинное штемпелеваніе должно быть замѣняемо мелленнымъ, ручнымъ.

Въ телеграфномъ отдѣлѣ интересна модель оптическаго телеграфа системы Шато, по которой была построена у насъ въ 1838 году первая телеграфная линия между Пе-

тербургомъ и Варшавой. Въмѣсто столбовъ между этими городами было построено 149 башенъ съ семафорами и фонарями. Сигналисты наблюдали съ этихъ башенъ въ подозрныя трубы за фонарями сосѣднихъ станцій и сами подавали сигналы, измѣняя подъ извѣстнымъ угломъ положеніе фонарей. Конечно, въ туманные дни, при дождѣ, снѣгѣ и вьюгѣ, такой телеграфъ не дѣйствовалъ. Устроителю его, инженеру Шато, была выдана пожизненная пенсія въ 6 тыс. руб. въ годъ. Для подготовки сигналистовъ учредили особую школу.

Одинъ залъ занятъ складомъ отдѣльныхъ частей, необходимыхъ при устройствѣ телеграфныхъ линий.

Въ музеѣ имѣются образцы разныхъ породъ дерева, употребляемыхъ для телеграфныхъ столбовъ съ указаніемъ поврежденій, наносимыхъ разными породами насекомыхъ. Любопытна модель телеграфной проволоки съ осадкомъ обледенѣлаго снѣга, который своею тяжестью обрываетъ проводы.

Въ телеграфномъ залѣ находится 18 витринъ, наполненныхъ изоляторами, которые употребляются въ разныхъ государствахъ. Среди нихъ—корниловскіе фарфоровые, замѣнившіе прежніе стеклянные. Персидскіе изоляторы сдѣланы изъ глины. Тутъ же образцы проволоки, спаякъ и ключей для навѣски. Между громоотводами и коммутаторами мы видѣли универсальный коммутаторъ, сожженный грозой въ 1895 году на колыванской почтовой станціи. Онъ превратился въ черную безформенную металлическую массу.

Въ отдѣлѣ полевыхъ телеграфовъ имѣются экземпляры, захваченные въ русско турецкую войну въ Карсѣ, Рущукѣ и Сулиѣ, съ турецкими буквами, и кусокъ кабеля со дна Дуная.

Собраніе кабелей, прокладываемыхъ по дну въ рѣкахъ и моряхъ, составляетъ особое отдѣленіе. Въ немъ насчитывается до 700 образцовъ. Здѣсь же собраны динамо-машины, тѣны батарей и серія изобрѣтательныхъ приборовъ для телеграфныхъ кабелей.

Большой научный интересъ представляетъ изыятый теперь изъ употребленія пантелеграфъ аббата Казелли. Онъ давалъ возможность автографически передавать рукописи на любомъ языкѣ, рисунки, ноты, портреты, карты. Въ 1866 г. аппаратъ этотъ былъ установленъ между Петербургомъ и Москвою. Тогда ожидался телеграфныя сношенія съ Дальнимъ Востокомъ, и пантелеграфъ долженъ былъ оказать незамѣнимую услугу, безошибочно фотографически передавая факсимиле восточныхъ рукописей.

Однако, черезъ 2 года его сняли съ линіи, вследствие сложности механизма, медленности работы, а главное—дороговизны пользованія.

Библиотека музея состоитъ изъ сочиненій, касающихся разныхъ сторонъ почтово-телеграфнаго дѣла, и насчитываетъ 6,000 названій.

Упомянемъ о множествѣ прекрасныхъ альбомовъ со снимками портретовъ изобрѣтателей и лицъ, участвовавшихъ на почтовыхъ и телеграфныхъ конгрессахъ, закончимъ наше бѣглое описаніе хранилища, имѣющаго такое важное научное и историческое значеніе.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что музей до сихъ поръ недоступенъ для широкой публики. Правда, по временамъ его посѣщаютъ члены телеграфной школы при главной телеграфной станціи и студенты электротехническаго института, но, думаемъ, значеніе всякаго музея имѣетъ въ виду не только интересы спеціалистовъ той науки или искусства, которымъ онъ посвященъ, но также интересы вообще всего образованнаго общества.

Г. Амчарскій.

Подпоручикъ 138-го
болховскаго полка

А. Н. Силинъ,
убитый въ бою подъ
Мукденомъ.

Шт.-кап. 58-го волынскаго полка

А. А. Фриманъ,
раненый въ бою подъ
Мукденомъ.

Поручикъ великолудскаго полка

Н. С. Ключанскій,
раненый въ бою подъ
Мукденомъ.

Подпор. 99-го ивангородскаго полка

А. М. Поджіо,
раненый въ бою подъ
Мукденомъ.

Капитанъ 161-го александропольскаго полка

М. В. Коломно-Таттовскій

Подпоручикъ 145-го новочеркасскаго полка

И. Побьдоносцевъ,
остался на полѣ битвы
подъ Мукденомъ.

Прапорщикъ 9-й артил. стр. бригады

А. С. Шелепинъ,
контуженный въ бою
подъ Мукденомъ.

Капитанъ 100-го островекаго полка

А. Пономаренко,
убитый въ бою подъ
Мукденомъ.

Подпоручикъ 18-го восточно-сибир. полка

А. М. Власовъ,
раненый подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 148-го касимовскаго полка

М. Н. Карасевичъ,
раненый подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 2-го черныярскаго полка

Д. Н. Соколовъ,
раненый въ бою подъ
Мукденомъ.

Поручикъ 100-го островекаго полка

И. Ф. Тригорьевъ,
раненый подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 145-го пѣх. новочеркасскаго полка

С. И. Торянскій,
убитый въ послѣднемъ сраженіи
подъ Мукденомъ.

Поруч. 161-го александропольскаго полка

А. Н. Арцымовичъ,
остался на полѣ сраженія
подъ Мукденомъ.

Поруч. 87-го пѣх. нейшлотскаго полка

Л. Л. Артамонъ въ,
раненый подъ Мукденомъ.

Поруч. 20-го стрѣльч. полка

А. Н. Сирогоярскій,
убитый подъ Мукденомъ.

Подполк. 162-го ахалцхкского полка

А. Ф. Ульевъ,
раненый подъ Мукденомъ.

Капит. 24-го борисовскаго полка

А. Э. Маевскій,
раненый въ послѣднемъ
бою подъ Мукденомъ.

Поручикъ 147-го кроменскаго полка

Н. В. Лихерскій,
раненый въ бою подъ
Мукденомъ.

Сотникъ 12-го оренбургскаго казачьяго полка

Н. П. Кринаковъ,
раненый подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 33-го елецкаго полка

Н. Т. Ликинъ,
тяжело раненый подъ
Мукденомъ.

Подпоручикъ 99-го ивангородскаго полка

В. В. Барскій,
раненый подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 4-го сибирскаго полка

Н. И. Курганъ,
скончавшійся отъ ранъ,
полученныхъ подъ
Мукденомъ.

Подпоручикъ 147-го самарскаго полка

Н. Н. Лискуевъ-Кванозъ,
раненый подъ Мукденомъ.